

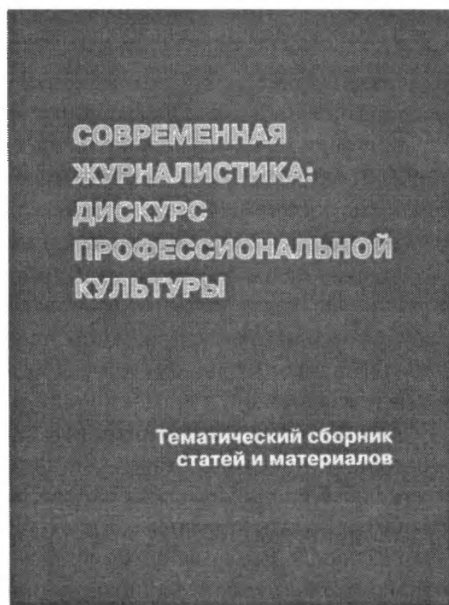
РЕЦЕНЗИИ

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ВОПРОС АНКЕТЫ — О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ

Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры: Темат. сб. ст. и материалов / Под ред. В. Ф. Олешко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; ИД «Филантроп», 2005. 320 с.

Книга получилась объемная, основательная, под ее обложкой «встретились» авторы из разных городов и стран, и большинство публикаций заслуживает специального внимания рецензентов. Так что вести разговор об издании как целостном произведении непросто. Я попробую начать с одного из заключительных разделов — с ответов практиков прессы на анкету составителей сборника. В ней пять вопросов. Если упростить несколько избыточные формулировки, то звучат они так: почему решили заняться журналистикой, как оцениваете состояние нашей профессии, как объясняете причины успеха своих коллег, можно ли научить творчески работать в журналистике и — что понимаете под профессиональной культурой журналиста?

В книгу вошли мнения 28 экспертов, и это тот случай, когда живые персональные монологи достовернее отражают состояние журналистского сознания, чем усредненные цифровые показатели, полученные на основе представительной статистической выборки. Не буду пока касаться их содержания. Скажу лишь, что если первые четыре вопроса пробуждают развернутые и по-своему аргументированные суждения, то на последний, как правило, поступает ответ короткий и одноплановый. А то и вовсе нет на него ответа. Может быть, причина заключается в том, что говорить о положении дел в нашей прессе — значит оценивать нечто находящееся вне тебя самого, тогда как описывать

составляющие профессиональной культуры — значит углубляться в самоанализ и самооценку. Социологи прессы давно заметили, что саморефлексия не относится к числу тех «жанров», в которых братья-журналисты работают охотно и успешно. Но есть, безусловно, и объективные причины. Профессиональная культура сегодня существует как абстрактный символ, который поминают все кому не лень, но который не получил реалистического, комплексного, а главное — более или менее широко признанного содержательного наполнения. Так обстоит дело в университетских курсах (для тех, кто их проходил), так же — в редакциях, где нередко количественно преобладают люди, уверенные, что профессия начинается с них или, в лучшем случае, прежде складывалась как «неправильная». Любопытно, кстати сказать, что младшее поколение опрошенных на вопрос о своем пути в редакцию дружно сообщает: «пришел случайно». Вот и получается, что для одного аналитика профессионализм — это умение работать с информацией (хорошо бы уточнить, что конкретно имеется в виду), для другого — образованность и приличные манеры, для третьего — совесть, для четвертого — поддержание нормальных отношений с интервьюируемыми и т. д.

Спор с частными высказываниями не входит в задачу рецензента. Важно увидеть, что в среде профессионалов не приходится искать сколько-нибудь отстоявшееся представление о том деле, которым занимаются и они сами, и их многочисленные товарищи по цеху. Этот безбрежный плюрализм толкает к нескольким возможным выборам. Можно, например, объявить, что журналистика вообще не относится к разряду профессий в строгом смысле слова, — тогда нечего и копыя ломать в вечных дискуссиях о квалификации корреспондента. Такой вариант решения встречается в зарубежных источниках, ну и, разумеется, его тут же подхватывают некоторые отечественные авторы. Можно остановиться на констатации многоликости современной прессы, вплоть до уникальности каждой редакции. Но тогда придется «продлить» идею уникальности до персоны отдельного репортера, а заодно уж и отдельного редакционного задания. В результате производство лишится всяких признаков организованности и планомерности. Но можно воспринять разноголосицу в суждениях практиков как косвенно выраженный заказ исследователям: кроме них некому очерчивать контуры аморфного, ускользающего из поля зрения профессионализма. Правда, при этом не стоит рассчитывать, что со стороны практиков упреки в бесполезной кабинетной говорильне будут раздаваться хотя бы чуточку реже и тише.

А теперь вернемся к хронологическому и физическому началу книги. Во вводной статье В. Ф. Олешко как раз и говорится о размытии границ профессии как о центральной проблеме сборника. Соответственно, тема оценки профессионализма характеризуется как одновременно и остроактуальная, и малоисследованная, и сложная по своему составу, не измеряемая по какому-либо универсальному параметру — например по технологическому. Конечно, когда делаются такие заявления, то на память приходит список российских и зарубежных исследований, в том числе выполненных в последние годы, в которых эта тема была главным предметом анализа. Вероятно, упоминание о них было бы нелишним в таком издании.

Тем не менее методология построения книги кажется принципиально оправданной. Во-первых, никто из авторов статей не претендует на единоличное исчерпывающее решение всей совокупности вопросов, лежащих в плоскости коллективного исследования. Наоборот, каждый предлагает свой угол освещения общей темы, и только в перекрестье многих лучей она становится видной отчетливо и рельефно. Во-вторых, ответственное отношение к крупной проблеме диктует выбор такого уровня анализа, при котором рас-

смаатриваются целостные феномены, а не их фрагментарные проявления. Но чем выше уровень, тем больше опасность повторить банальные общие места. Таким образом, от исследователя требуется свежая и даже радикальная постановка вопроса, который в тех или иных формах неоднократно обсуждался до его публикации. Отвечая на эти ожидания, книга демонстрирует высокий потенциал теоретического осмысления эмпирического материала.

Если хотя бы обзорно, в пределах возможности рецензии, пройти по содержанию статей, то примеры использования такой методологии встретятся у многих авторов. Так, воронежский исследователь В. В. Тулупов не ограничивается признанием ситуации в прессе кризисной (к сожалению, этот тезис давно уже перестал быть научным открытием), но выдвигает концепцию излечения затянувшейся болезни. Он доказывает, что в журналистике следует воспринять и реализовать конвенциональную коммуникационную стратегию, разработанную в современной науке. Профессор Казанского университета С. К. Шайхитдинова размышляет в русле философии культуры, когда отвергает примат технологизма и экономических интересов, препятствующий расцвету личности. Коммерциализация СМИ, по ее оценке, — это пагубный процесс для такого типа культур, как российская. Представитель Уральского университета Л. М. Макушин смотрит на периодическую печать как на особую социальную систему, что позволяет выстроить определенный ряд качеств профессионала. Ростовский (ныне — белгородский) автор А. П. Короченский дает специальное название — «пиарналистика» — противоестественному слиянию PR и журналистики, о котором ежедневно критически отзываются другие специалисты. В отличие от своих предшественников, он анализирует данное новообразование как зрелое явление, а не частное отклонение от нормы. И. А. Фатеева (Челябинск) выступает с программой коренного преобразования системы журналистского образования на основе его диверсификации по уровню и направленности взамен нынешней однородности. Специалисты из Москвы и Санкт-Петербурга строят свои заключения на базе обзора широкого поля эмпирических данных.

Все эти и некоторые другие представленные в книге разработки отличаются неординарностью взглядов, полемичностью, устремленностью в будущее профессии. Я не вижу необходимости оценивать качество идей, зрелость и логическую выверенность концепций, тем более что часть статей невелика по объему и предлагается, скорее всего, в качестве заявки определенной линии анализа. Хотелось бы заметить, что в солидном массиве наблюдений и суждений образовались некоторые сгущения, иначе говоря — такие проявления профессионализма, которые называются чаще всего, в положительном или критическом контексте. Какие же?

Компетентность. О ней регулярно заходит речь в материалах опроса экспертов. Главным образом они подразумевают осведомленность в предметно-тематической области специализации. Быть может, резче других высказывается Д. А. Урушев — редактор религиозного приложения к «Независимой газете». «Для конфессиональной... журналистики зачастую характерны крайний дилетантизм, необъективное отношение к источникам, малограмотность, — заявляет человек, получивший университетское образование по специальности «Религиоведение». — Для светской журналистики характерна погоня за сенсациями и опять-таки малограмотность». Подобное мы услышим и по поводу других специализаций. А корни дремучего дилетантизма, как представляется, обнаружила М. В. Загидуллина, написавшая о популяризации в прессе науки. В этой области, как ни в какой иной, корреспондент обязан изо дня в день вершить труд познания и самообразования — но он не востребован редакциями, не престижен и не сулит материальных выгод. Между

прочим, и в Европе, и в США на подготовку специалистов для научно-популярной журналистики тратятся немалые средства, ей отдается национальный приоритет, и потому она развивается ускоренными темпами. Но для нас более существен общий вывод: подлинное знание вымывается из квалификации российского журналиста, и тем самым профессия деформируется в самой своей сердцевине. Здесь нельзя не заметить, что в последние годы исследователи европейской прессы все настойчивее предрекают завершение эры всеядного репортера-верхогляда и высокий спрос на корреспондента-знатока, отраслевика.

Ученые выделяют и другие стороны компетентности, относящиеся, скорее, к методической вооруженности корреспондентов. Сошлемся, например, на статью московского профессора Н. В. Муравьевой о коммуникативной культуре журналиста. Она стремится расширить и обогатить представление об этом качестве, которое нередко сводится к совершенствованию навыков речевой деятельности. На самом деле требуется глубокое понимание сути коммуникативного поведения и способность действовать в соответствии с этим пониманием в производственных ситуациях.

Этика и нравственность. В ответах на последний вопрос анкеты эта позиция, безусловно, лидирует по числу упоминаний, а то и вовсе вытесняет другие аспекты профессионализма. «Я считаю Кодекс профессиональной этики журналиста исчерпывающим...», — до предела спрямляет линию рассуждений радиожурналистка из Екатеринбурга. В других ответах появляются тонкости и комментарии, но существо высказывания они не меняют. Ученые же, как и положено им, погружаются в концептуальные построения, в том числе далекие от привычных схем мышления. Саратовский литературовед В. В. Прозоров развивает свои идеи, которые он уже оглашал в предыдущих публикациях. Сопоставляя журналистику с литературой с точки зрения соотношения этического и эстетического, он приходит к выводу о том, что в прессе (но не в изящной словесности) эти два начала образуют обязательное единство. Более того, в журналистском произведении этическое превалирует настолько явно, что способно искупить собой несовершенство формы материала.

Стандарты деятельности. Последовательным разработчиком этой стороны квалификации зарекомендовал себя декан уральского журфака Б. Н. Лозовский. Он и в рецензируемой книге сохраняет верность излюбленной теме. Но его подход к формированию стандартов заметно отличается от того примитивного технико-инструментального варианта, который встречается у некоторых других авторов. Скорее, речь идет о нормативных основах профессии — и в смысле адекватного ее определения, и с точки зрения опоры на существующую правовую базу, и при выборе критериев качественной оценки материалов и т. д. О них же, об оправданных законом, моралью и производственными интересами правилах размышляет преподаватель Северо-Осетинского университета И. Э. Калоева, когда изучает роль прессы в вооруженных конфликтах. Вообще рациональное суждение о правильном и целесообразном как залоге профессионального успеха разделяют многие авторы. И именно это обстоятельство дает возможность проложить мостки от научно-теоретического издания к прагматике журналистского образования.

В конце 2005 года в прессе разразилась шумная дискуссия о качестве продукции факультетов журналистики, в первую очередь в Московском университете. Естественно, она получила продолжение в разнообразных кулуарах и столь же естественно, что зазвучали радикальные призывы отменить эту форму подготовки кадров в принципе. Тезис далеко не новаторский, особенно если учесть преобладающую аргументацию: технике труда, мол, в редакции научат за месяц-другой. Да ведь с этим никто из университетских педагогов, вроде бы, и не спорит. Однако материалы рецензируемого сборника отчетливо пока-

зывают, какой гигантский объем обязательных знаний и умений необходимо заложить в интеллект и методику труда специалиста. Конечно, в монологах практиков возникает и такая, весьма пресная истина «первого порядка»: есть лишь один способ достигнуть успеха — работать и еще раз работать. Но в поисках истины второго, более высокого порядка мы обязательно спросим: какой, однако, личностный потенциал необходим для ежедневного возвращения к своему станку? Не мускульная же сила двигает механизм прессы, и не унылым самоповторением влечет она к себе новые поколения волонтеров.

Не хотелось бы впадать в риторику. За меня отлично высказался выпускник факультета, на котором я много лет преподаю, М. В. Сизов (по понятным причинам ссылаюсь на него с особым удовольствием). Он вспоминает заповеди своего бывшего декана, который убеждал студентов: главное — получить в университете общую эрудированность, а писать научиться в редакциях; после распределения не будет времени учиться филологии, философии, экономике и т. д. И далее — вывод на основании собственной практики: «И ведь он оказался прав». Надеюсь, в этих словах никто не услышит поддержки профессиональных неумех неопределенного гуманитарного профиля или столь «неопределенных» коммуникаторов, которым все едино — репортерить, рекламить или пиарить.

Тема образования на разные лады варьируется в сборнике. В частности, публикуются заметки выпускников и студентов зарубежных университетов. Они вызывают интерес и как описание «соседнего» опыта, и как повод еще раз взвесить достижения и просчеты нашей учебной работы. Послушаем. «...Бессмысленно рассуждать о системе журналистского образования в Италии как таковой. По большому счету, специалистом в области коммуникаций может стать кто угодно. Главное — это оказаться в нужное время в нужном месте либо иметь деньги и хорошие связи...» В Польше сосуществуют два подхода к образованию: традиционный, в рамках которого даются необходимые знания, и новый, согласно которому профессии можно научиться только на практике. «Спор между их приверженцами пока в нашей стране не решен в чью-либо пользу». В Хорватии «я и мои однокурсники стали “подопытными кроликами” для различного рода... нововведений. Это в свою очередь вызвало волну возмущений». Те, кто знакомился с признаниями других иностранцев и по другим источникам, согласятся, что они редко хвалебно отзываются о своих национальных системах подготовки журналистов. В этой связи не покидает сомнение: не слишком ли мы торопимся похоронить российскую журналистскую школу или, что то же самое, подогнать ее к некоему зарубежному эталону?

Различиям журналистских традиций в России и США посвящена статья Е. С. Гладковской. Сравнивая публикации последних лет, она отмечает, что публицистичность и глубина анализа, которые мы всегда преподносили как «фирменные» признаки нашей прессы, на самом деле уже не являются ее атрибутами. Новое поколение российских журналистов потеряло вкус к исследовательской работе и тяготеет к ретрансляции информации. Эти заключения воспринимаются как болезненный укол, но правде лучше смотреть в глаза — для профилактики самолюбования. Похоже, что мы и в самом деле подвержены ему по инерции, тогда как зарубежные коллеги нередко работают надежнее и ответственнее, чем наши. Значит, правы те нынешние «западники», кто настаивает на незамедлительном переходе к мировым канонам качественной прессы? Здесь, правда, встречается такое «неожиданное» препятствие, как неизмеримое разнообразие национальных традиций, сложившихся за пределами нашей страны. Наши — не хуже других, а для внутреннего пользования они более всего подходящи. Только они не воспроизводятся в автоматическом режиме, без регулярного приложения целенаправленных усилий.

...Сборник уже заметили специалисты, на него откликнулись рецензенты, появились и критические отзывы. Я бы тоже посоветовал издателям тщательнее относиться к редакторской подготовке текстов, а авторам — избегать излишней категоричности в изложении своих постулатов. Но у меня нет сомнений в том, что факт этого издания подстегнет плодотворную дискуссию по вопросам, которые выдвинуты на передний план и сегодняшним опытом нашей прессы, и его теоретическим осмыслением. Не исключено, что теперь нам всем чуть проще будет найти ответ на центральный вопрос российской журналистики: какая профессиональная культура ей необходима для самосохранения и доброкачественного развития?

*С. Г. Корконосенко,
доктор политических наук, профессор кафедры теории печати
факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета*

КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Майданова Л. М., Соломатов С. И., Федотовских Т. Г., Чудинов А. П. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 231 с.

В 2004 году вышла монография коллектива авторов (редактор-составитель Л. М. Майданова), посвященная исследованию объекта, на первый взгляд, традиционного для лингвистики и стилистики текста. Изучению соотношения *слово* и его *смысл* посвящена огромная литература самых разных направлений в лингвистике и литературоведении XX века.

Однако уже в самом наименовании указанной книги заключена известная необычность и новизна интерпретации объекта. Во-первых, вопреки традиционным стереотипам, речь идет именно о *ключевых смыслах*, а не о ключевых словах. Во-вторых, самым естественным образом в оборот вводится витающее в общественных, и в том числе научных, кругах представление о наличии ключевых смыслов в *медиа-текстах* современной эпохи — именно в них прежде всего. Тем самым в очередной раз определенно повышается статус научных исследований журналистского творчества. В этой связи заметим, что медиатексты были уже неоднократно оценены в качестве актуальных объектов исследования в теоретической лингвистике (в том числе в «функциональной стилистике») и приоритетных объектов цитирования в лексикографической практике (в составе словарных статей).

